

6. Пирс, Ч. Начала прагматизма / Ч. Пирс. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с.
7. Толстая, Т.Н. Кысь / Т.Н. Толстая. – М.: Эксмо, 2005. – 391 с.
8. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Д.Н. Ушаков. – М.: Астрель Аст, 2000.
9. Фалина, О.И. Знаковое пространство романа Т. Толстой «Кысь» как многоуровневая система поиска интерпретации. [Электронный ресурс] / О.В. Фалина. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/znakovoe-prostranstvo-romana-t-tolstoy-kys-kak-mnogourovnevaya-sistema> – Заглавие с экрана.
10. Фалина, О.И. Особенности кодового устройства текста романа Т.Толстой «Кысь». [Электронный ресурс] / О.И. Фалина. – Режим доступа: <http://tsput.ru/fb/int/> – Заглавие с экрана.
11. Шанский, Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Дрофа, 2004. – 398 с.

А.А. Сальникова
Россия, Новосибирск
Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель к.филол.н., доцент Е.М. Букаты

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Ч.Т. АЙТМАТОВА «БУРАННЫЙ ПОЛУСТАНОК (И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ...)»

Чингиз Айтматов – писатель из кочевого, в недавнем прошлом, народа, а кочевники – это своеобразный «народ-кентавр», он сращен со своим животным, который является средством для передвижения, дает пищу и согревает шкурой. И в романе «Буранный полустанок» («И дольше века длится день...») (1980) Айтматов изображает кентавров: в сюжетной линии о жизни полустанка это Едигей и его верблюд Каранар.

В мифологии разных народов верблюд имеет символическое значение: верблюд воплощает образ начального мира, он символ единого и неделимого космоса, воплощение мужской силы. Для казахов верблюд – один из символов четырех сторон света, четырех стихий, четырех направлений. В христианских представлениях – символ смирения и воздержания [5].

Имя Каранар означает «черный сверхсильный верблюд». Каранар ведет свой род от легендарной белоголовой верблюдицы Акмаи, которую казахи считают прародительницей верблюдов. И будто в подтверждение этому

Каранар вырастает в сырттана, что означает сверхсущество. Хозяином этого верблюда является Едигей – главный герой произведения.

Животное и человек, Едигей и его Каранар, по-своему исключительны. Едигей – обычный человек, но мир держится на таких людях. В его простоте есть мудрость и жизненный опыт, он пользуется уважением соседей и после смерти Казангапа становится старейшиной полустанка [4, с. 115]. В системе персонажей образ человека и животного у Айтматова связаны по принципу двойничества. Едигей называет верблюда своим молочным братом, так как Каранар подрос на молоке белоголовой, а Едигея это молоко избавляет «от контузийной немощи». Оба героя являются первенствующими среди своих сородичей: Едигей – авторитет для боранлинцев, Каранар – верховой в боранлинском стаде. У иранцев понятие «царственности» называлось «хварной» и воплощением хварны был верблюд [2]. Так и для Едигея его Каранар – предмет его гордости, знак высокого статуса, его слава. Двойничество Едигея и Каранара проявляется и в параллельном изображении истории их любовной страсти. Но если у Каранара, как у природного существа, преобладают неконтролируемые животные инстинкты, то Едигей, напротив, способен управлять своим поведением и подавить в себе чувство преступной влюбленности в замужнюю женщину. Впоследствии это чувство преобразуется в нем в высокое чувство любви-памяти. Возникающее между ними противопоставление, тем не менее, ослабляется в тот момент, когда Едигей ненадолго впадает в безрассудное чувство влечения.

Верблюд в романе, кроме своих бытовых функций в повседневной жизни, является животным, за которым закрепился обычай перевозки тела усопшего. Чтобы похоронить Казангапа, Едигей поставил во главе похоронной процессии оседланного и обряженного Каранара. Но использование Каранара – не только дань уважения другу и уважаемому человеку. Обычай связан с древними верованиями тюрков, согласно которым смерть понимается как переход из этого мира в иной – прохождение пути в мир предков. И перевоз умершего доверялся верблюду, который соотносился с высшей сферой бытия [1].

Также в романе люди используют верблюда как средство для убийства. Это противоестественная для него как священного природного существа функция. В легенде «Сарозекская казнь» рассказывается о Чингисхане, учинившем казнь над Эрдене и Догуланг, которые нарушили его запрет о деторождении. Одна удавка общей для них веревки была надета на Эрдене, другая была переброшена через межгорбье бактриана (двугорбого верблюда) и надета на Догуланг. Верблюд противится казни влюбленных: он кричит и только под ударами палок его удается поднять на ноги. Таким образом, образ верблюда одновременно заключает в себе как конкретно-бытовое, так и нравственное, эмоциональное значение: он подчеркивает бесчеловечность решений деспотической власти.

В легендарной сюжетной линии образ кентаврического единства человека и животного составляет Найман-Ана и верблюдица Акмая. Найман-Ана – мать, погибшая от руки сына, обращенного врагами в манкурта. Манкуртом называли пленника, предназначенного в рабство. Ему обривали голову и надевали на неё шири — кусок шкуры с выйной части только что убитого верблюда. После этого его связывали и надевали на шею колодку, чтобы он не мог коснуться головой земли, и оставляли в пустыне на несколько дней. На палящем солнце шири ссыхалось, сдавливая голову, волосы вросали в кожу, причиняя невыносимые страдания. Если жертва этой «процедуры» выживала, то теряла память о прошедшей жизни и становилась идеальным рабом, лишённым собственной воли и безгранично покорным хозяину. В память о самоотверженной любви матери, пытающейся воскресить память сына-манкурта, народ стал называться найманами, а кладбище, на котором покоится Найман-Ана – Ана-Бейит (Материнский упокой).

Как и Каранар для Едигея, Акмая – гордость для Найман-Аны. Автором-повествователем подчеркивается исключительность белой верблюдицы: Акмая стоит целого стада, за нее дают десятки голов молодняка, чтобы получить потомство именно от этой верблюдицы. Для Найман-Аны она сокровище, золотая матка, последняя память о ее прежнем богатстве. Найман-Ана и Акмая сходны друг другу, так как обе являются прародительницами – каждая для своего рода.

Таким образом, образы верблюдов выполняют функцию полноправных персонажей, обладают психологическими качествами и индивидуальной судьбой [6, с. 7]. Их символика уходит корнями в глубокую древность. Их можно назвать мифологемами, первообразами, на материале которых конструируется как мифологический сюжет, так и фабула произведения. Образы животных в айтматовском романе задают авторские представления о мире, в котором человек и животные, человек и природа должны сосуществовать в гармоническом единстве. Эта истина иллюстрируется в финальной апокалиптической картине, в которой человек, верблюд и собака вместе спасаются от огня взлетающих ракет.

Список литературы:

1. Абишева, О. Путешествие в край аруаны: Сакральные смыслы образа [Электронный ресурс] / О. Абишева // Простор : лит.-худож. журн. – 2013. – №12 – Режим доступа: <http://writers.kz/journals/?ID=12&NUM=259&CURRENT=&ARTICLE=7073>. – Заглавие с экрана.
2. Айтматов, Ч.Т. Белый пароход. И дольше века длится день... Плаха. – М.: Эксмо, 2012. – 768 с.

3. Акишев, А.К. Образ верблюда в легендах Центральной Азии / А.К. Акишев // Этнография народов Сибири [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kronk.spb.ru/library/akishev-ak-1984a.htm>. – Заглавие с экрана.
4. От «Джамили» до «Плахи» : Сборник / Сост. А.А. Акматалиев – Фрунзе: Мектеп, 1990. – 158 с.
5. Верблюд // Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://znaki.chebnet.com/s10.php?id=693>. – Заглавие с экрана.
6. Мискина, М.С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова : Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01. – Томск: ТГУ, 2003. – 11 с.

И.Р. Абдулфаизова
 ученица 11 «А» класса,
 Научный руководитель И.В. Романенко
 учитель русского языка и литературы,
 Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск,
 КГУ «Научно-исследовательский специализированный
 Центр-школа-комплекс развивающего обучения «Восток»
 для одаренных детей» управления образования ВКО

ОБРАЗ ПУТИ В ТВОРЧЕСТВЕ АБАЯ КУНАНБАЕВА И БАХЫТА КАИРБЕКОВА

Актуальность изучения образа пути определяется необходимостью выявления пространственно-временных координат отечественной литературной действительности. Созданная автором художественная действительность не является копией реального мира: она передает *образ* мира, увиденного глазами художника. Кочевая культура народа объясняет, почему в мифологии казаха образ пути является мирообразом, при помощи которого он познает мир. Проведенное исследование позволило убедиться, что философия пути в творчестве Абая и Бахыта Каирбекова наглядно демонстрирует различные функции, которые приобретает образ пути в художественном мире национального акына и поэта-современника.

Объект исследования – литературное наследие Абая Кунанбаева и Бахыта Каирбекова. *Предмет исследования* – индивидуальные особенности образа пути в творчестве поэтов: классика и современника.

Цель работы: выявление своеобразия изображения образа пути в художественном мире Абая Кунанбаева и Бахыта Каирбекова. Для решения поставленной цели сформулированы конкретные *задачи*:

- изучить научную литературу по художественной антропологии и выделить характеристики хронотопа пути;